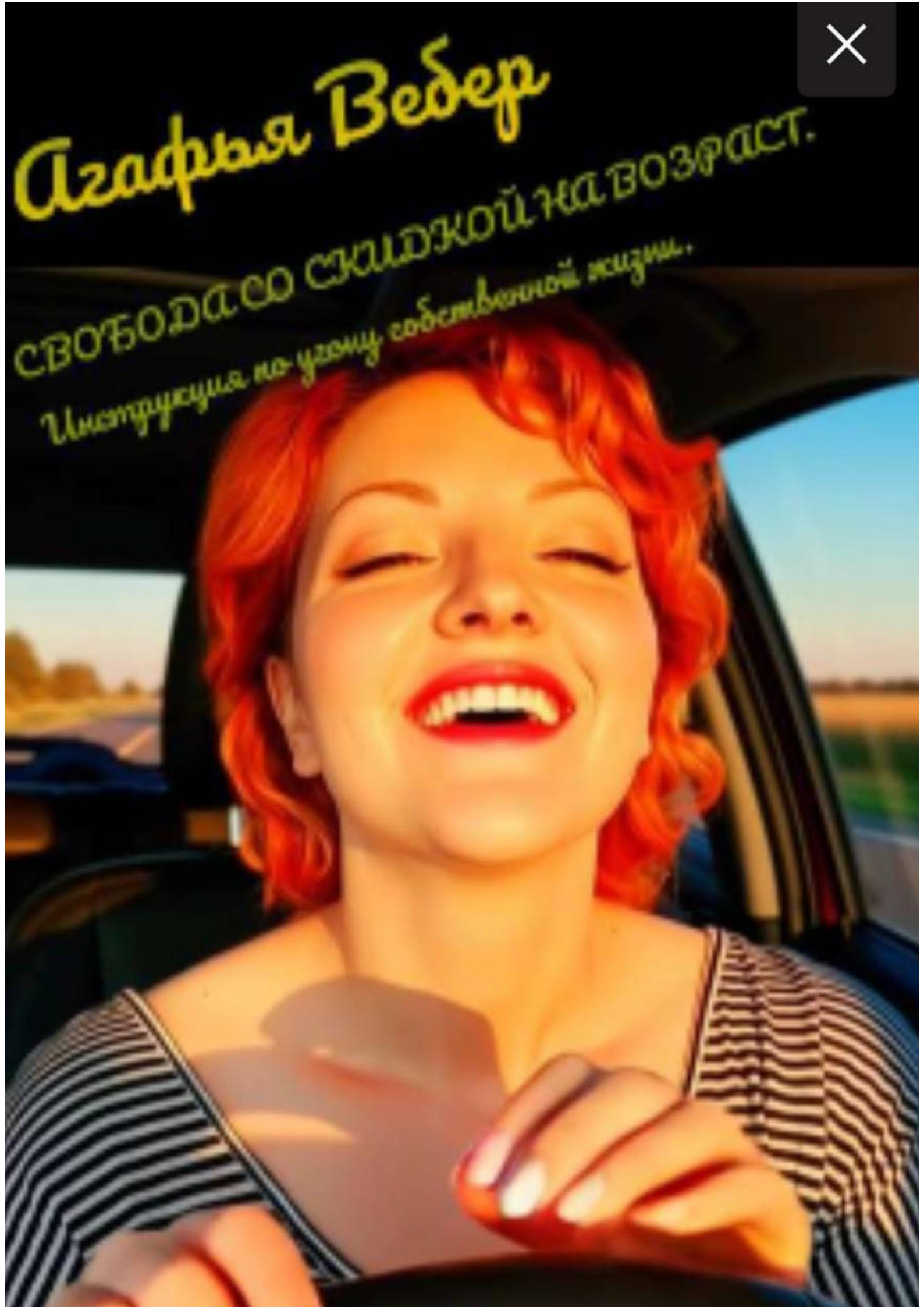




Азафья Вебер

СВОБОДА со скидкой на возраст.
Инструкция по уходу собственной жизни.

Агафья Вебер

**Свобода со скидкой на
возраст. Инструкция по
угону собственной жизни**

«Автор»

2026

Вебер А.

Свобода со скидкой на возраст. Инструкция по угону собственной жизни / А. Вебер — «Автор», 2026

В пятьдесят лет нормальные женщины нянчат внуков, закручивают огурцы и планируют с мужьями ремонт на даче. Я же по истечении тридцать четырех лет в браке заталкивала в багажник пылесос, шубу и пляжные шезлонги. Они отчаянно не влезали. На переднее сиденье, как самого дорогого попутчика, я бережно пристегнула коробку с двумя бульонными кружками. Зачем мне в новой жизни этот натюрморт? Бог его знает. Но в тот момент он казался мне самым важным манифестом независимости. Тридцать четыре года брака остались позади. Впереди — абсолютная неизвестность, пустой бак и стойкое желание наконец-то угнать свою собственную жизнь у привычной рутины. Говорят, после пятидесяти всё только начинается? Что ж, пристегните ремни. Я начинаю!

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	6
Кровавый рок-н-ролл.	6
Глава 3.	7
Настоящий викинг.	7
Глава 4.	9
Поцелуй на холодном бетоне.	9
Глава 5.	12
Украденное счастье.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Агафья Вебер

Свобода со скидкой на возраст.

Инструкция по угону собственной жизни

Глава 1.

Манифест независимости

В пятьдесят лет нормальные женщины нянчат внуков, закручивают огурцы и планируют с мужьями ремонт на даче. Я же по истечении тридцати лет в браке заталкивала сейчас в багажник своей машины два пляжных шезлонга. Они отчаянно не влезали.

Следом туда отправился пылесос и пушистая, мягкая шубка. На переднее пассажирское сиденье, как самого дорогого попутчика, я бережно пристегнула коробку с двумя бульонными кружками. Зачем мне в новой жизни шезлонги и кружки? Бог его знает. Но в тот момент этот натюрморт казался мне самым важным манифестом независимости.

Когда я повернула ключ в замке зажигания, меня не трясло от страха. Наоборот — внутри колотился сумасшедший, почти подростковый азарт. Мимолётный взгляд в зеркало заднего вида выхватил фигуру мужчины с сигаретой на балконе третьего этажа, мрачное, недовольное лицо... Но... впереди был чужой город, абсолютно чистый лист и кружащее голову, давно забытое ощущение свободы: теперь я сама решаю, куда крутить этот руль.

Резко прибавила газу, и фигура скрылась за углом старой пятиэтажки.

Неловкое движение, и тут же морщусь от тупой, тянущей боли в правой ступне. Старый шрам всегда напоминал о себе, стоило мне провести за рулем больше трех часов. Моя нога затекла, и я невольно посмотрела вниз, на педаль газа. Нажми на нее чуть сильнее — и машина послушно полетит вперед.

Глава 2.

Кровавый рок-н-ролл.

Аккуратный белый шрам напоминает о дне, когда Алекс впервые взял меня на руки. Тридцать лет назад мы были просто коллегами. На той вечеринке у друзей всё казалось идеальным — ром-кола в гранёных стаканах, бешеная музыка и мы, танцующие рок-н-ролл. Мы кружились так отчаянно, будто пытались обогнать само время. А потом случился скручивающий элемент. Моя вспотевшая ладонь выскользнула из его пальцев. Дальше всё было как в замедленной съемке. Удар боком о жесткую тумбочку. Вскрик. Нога с размаху разбивает стоящую на полу бутылку, и острый, как бритва, осколок насквозь прошивает мою голую ступню, вырезав три сантиметра сухожилия. Кровь, чьи-то панические крики, сирена скорой... Алекс забрал меня к себе из общежития просто потому, что сгорал от вины. Он нес меня до такси на руках, бережно, как хрустальную вазу, которую сам же только что разбил. Я думала, это любовь и спасение. Оказалось — ловушка. Чуть позже врачи найдут скрытое: от того самого удара о тумбочку у меня разорвался яичник. Операционная, наркоз, долгий гормональный сбой. Наша совместная жизнь началась с чужой вины, швов и инвалидного кресла. Уже тогда, по этому кровавому рок-н-роллу, умная женщина поняла бы, что ничем хорошим это не кончится. Но мне было чуть за twenties, Алекса вела ответственность, а меня — иллюзии. Эти иллюзии я бережно растила и подпитывала годами. Я искренне верила: раз он увёз меня к себе, раз окружил заботой, значит, мы справимся со всем. Я строила наш быт, создавала уют, взрослела и менялась, не замечая, как тёплое чувство вины, на котором держался Алекс, постепенно превращается в холодное равнодушие. Постель остывала так медленно, что я успела к этому привыкнуть.

Мой иллюзорный замок держался долго — слишком долго. А потом случился тот самый день, когда он развалился с оглушительным треском. Нас пригласили на свадьбу дочери наших друзей. На этой свадьбе я чувствовала себя чертовски красивой. На мне был дерзкий сарафан в широкую бело-синюю полоску, легкий короткий жакет в тон, белые босоножки на каблуках и любимая белая сумочка. Моя короткая стрижка горела ярко-рыжим пламенем. Да, за годы совместной жизни я набрала вес, но в тот вечер, глядя в зеркало, я видела не лишние килограммы. Я видела роскошную, манкую, живую женщину. И другие мужчины это видели. Меня без конца приглашали танцевать. Мне улыбались. Наперебой делали комплименты. В какой-то момент один из гостей подошел к Алексу, хлопнул его по плечу и восхищенно кивнул в мою сторону:— Какая же у тебя красавица жена! Алекс даже не повернул головы. Он сделал глоток из своего бокала и ровным, будничным голосом произнес:— Да... Но вот если бы она похудела немного, тогда — да. Внутри меня что-то оборвалось и тут же вспыхнуло тем самым рыжим пламенем. Обида, копившаяся годами, вылетела наружу прежде, чем я успела её затормозить.— Это тебе я не нравлюсь! — сгоряча бросила я ему в лицо. — А вот другим мужчинам — очень даже наоборот! Алекс посмотрел на меня сверху вниз. Спокойно, с легкой, почти жалостливой усмешкой, которая бьет сильнее любой пощечины:— Да кому ты нужна... такая. Музыка на свадьбе продолжала греметь, люди смеялись, кричали «Горько!», а вокруг меня образовался вакуум. В ту секунду постель, которая и так остывала последние годы, превратилась в ледник. Алекс думал, что пристыдил меня и поставил на место. Он не понимал, что своей фразой он только что выдал мне лицензию на абсолютную свободу. «Ах, кому я нужна? — подумала я, сжимая в руке белую сумочку. — Что ж, дорогой. Давай проверим».

Глава 3.

Настоящий викинг.

Конечно, я решила на проверку не сразу. Обида со временем немного утихла, притупилась под грузом повседневных забот, но внутри, на самом дне души, всё равно глубоко скребло и болело. Жизнь шла своим чередом. Я вышла из декретного отпуска и устроилась на работу в соседний магазин, в книжный отдел.

На дворе стояли девяностые — время тотального дефицита всего, кроме человеческих эмоций. Книги тогда были сокровищем, а я обожала о них рассказывать.

В тот день я была в черном сарафане и сиреневой блузке. Рыжая, яркая, веселая, я сверкала глазами, увлеченно пересказывала сюжеты покупателям, показывала иллюстрации и тихонько смеялась, вспоминая любимые главы. Вокруг меня, как всегда, собралась небольшая толпа.

И вдруг я почувствовала чужой взгляд. Он ощущался почти физически — теплой волной по коже. Я подняла глаза и лишилась дара речи.

В дверном проеме, прямо напротив меня, стоял настоящий викинг. Светловолосый, мощный, в белой футболке, черных джинсах, зеленой ветровке и белоснежных кроссовках. Его светло-зеленые глаза горели, и он смотрел только на меня, не отрываясь. Когда люди вокруг немного разошлись, он сделал шаг вперед, подошел к прилавку и просто сказал:

— Давай сегодня погуляем?

Я замерла, не веря собственным ушам. В голове набатом застучали слова Алекса: «Да кому ты нужна... такая». Я испуганно оглянулась, искренне не понимая, как этот великолепный, мощный экземпляр мужского пола мог вообще обратить на меня внимание. Защитные механизмы женщины в браке сработали быстрее, чем разум, и я испуганно брякнула то единственное, что умела говорить чужим мужчинам:

— Я не свободна.

Викинг ничего не ответил. Он просто молча повернулся и ушёл. Вышел из магазина, растворившись в толпе девяностых.

В ту же секунду я чуть не расплакалась от жгучей досады и полного недоумения. И это всё?! Это всё, на что он способен? Один отказ — и он сдался? Настроение было безнадежно испорчено, а внутри снова заняла старая обида. До конца рабочего дня оставалось всего полчаса, но они тянулись как вечность.

Кое-как дождавшись закрытия, я заперла отдел, подхватила сумочку, натянуто попрощалась с девочками-коллегам и побрела домой. Я шла, глядя под ноги, и проклинала свою дурацкую правильность.

Но стоило мне завернуть за угол магазина, как реальность резко перевернулась. Сильная мужская рука мягко, но крепко подхватила меня за плечи, развернула на сто восемьдесят градусов, и я с размаху уткнулась лицом в огромный, пахучий букет цветов.

Это была огромная, умопомрачительная охапка розовых лилий. Невероятное, сумасшедшее совпадение — ведь именно эти цветы я любила больше всего на свете. В мгновение ока вся моя досада испарилась, и я почувствовала себя самой счастливой женщиной на земле. Алекс годами не замечал моих желаний, а этот незнакомец угадал их за полчаса.

Над розовыми лепестками снова показались его горящие светло-зеленые глаза. Вопрос прозвучал повторно, но уже с мягкой улыбкой:

— Так мы погуляем?

Я постаралась вернуть себе остатки напускной строгости и чопорно ответила:

— Ну... если только погуляем.

И мы пошли. Почти сразу за зданием магазина начиналась тенистая березовая роща, которая незаметно переходила в густой сосновый бор. Нам казалось, что по этим тропинкам можно идти бесконечно. Каким-то абсолютным, неземным образом мы мгновенно нашли общий язык. Мы понимали друг друга с полуслова, будто были знакомы всю жизнь.

Его звали Мишка. Он приехал из северного города Енисейска всего на два месяца — на учебу. Прямо через дорогу от моего книжного магазина как раз начинались учебные корпуса. Мишка учился на психолога. И, надо признать, практиковаться у него получалось виртуозно. С каждой минутой этой прогулки я всё глубже погружаюсь в состояние приятного гипноза.

Я была совершенно впечатлена, очарована и повержена его мощной харизмой. А главное — я никак не могла взять в толк: почему он выбрал меня? Ведь еще вчера в моих ушах звенел безжалостный приговор мужа: «Да кому ты нужна... такая».

Как бы я ни храбрилась, помышляя доказать себе и всему миру, что я мегакрутая, годы пренебрежения оставили свой отпечаток. В глубине души я всё равно робела и совершенно не чувствовала себя роковой красавицей. Я была не из тех, кто умеет скрывать или разыгрывать чужие роли, поэтому выложила всё как есть. Честно сказала Мишке, что замужем, и призналась, как глубоко разочарована отношением мужа. Сделать какие-то дальнейшие шаги в тот вечер мне даже не пришлось в голову.

Мишка оказался действительно хорошим психологом. Он мгновенно почувствовал мою внутреннюю границу и понял: если сейчас надавить, я просто испугаюсь и сбегу. Он отступил, и мы просто гуляли, болтали и смеялись.

Но эта весна и дурманивший запах только-только распустившихся клейких листочков делали своё дело. Мы отчаянно, по-детски флиртовали. Дыхание сбивалось от мимолётных, едва уловимых прикосновений — пальчик к пальчику, ладонь к ладони. Сердце замирало, когда он осторожно поправлял выбивавшуюся ярко-рыжую прядь, которую ветер швырял мне на лицо, или аккуратно поддерживал меня за локоть, когда я пыталась перепрыгнуть через весеннюю лужу. Всё кружило голову. Но ничего большего в этот раз не случилось.

Мы вернулись обратно и попрощались там же, у магазина. Мишка ушёл, даже не попытавшись договориться о следующей встрече. Это меня слегка задело и тут же с размаху опустило на грешную землю. Романтический хмель начал выветриваться, уступая место суровой реальности. В руках у меня была огромная охапка розовых лилий. И главный вопрос: как я приду с ней домой? Что я скажу Алексу?

Я медленно брела до своего подъезда, лихорадочно соображая, куда спрятать или выкинуть этот роскошный презент. Но, кажется, Бог в тот вечер услышал мои молитвы. Из дверей подъезда мне навстречу буквально выпорхнула Татьяна — моя приятельница этажом выше. Таня как раз недавно рассталась со своим очередным, кажется, уже третьим по счету мужем и находилась в состоянии перманентного свободного полёта. Я, не думая ни секунды, протянула ей охапку:

— Хочешь цветы?

Ну какая женщина в здравом уме откажется от такого великолепия? Танюшка сверкнула белозубой улыбкой и восторженно вскрикнула:

— Это всё мне?! Спасибо, спасибо!

Я наконец-то шумно выдохнула. Груз упал с плеч.

— Конечно тебе, — улыбнулась я. — Ты так красива сегодня, и эти цветы безумно тебе идут.

Избавившись от «улик», я — внешне абсолютно спокойная, а внутри всё ещё пьяная от весеннего бора — открыла дверь своей квартиры и вошла домой.

Глава 4.

Поцелуй на холодном бетоне.

Впрочем, всё это было так давно, что сейчас кажется сюжетом из чужого кинофильма.

Я моргнула, стряхивая нахлынувшие воспоминания, и сделала глоток уже остывшего чая. На дворе стоял совсем другой год. Мне было пятьдесят. И я сидела на пляжном шезлонге посреди неуютной, неухоженной квартиры в чужом городе, сжимая в ладонях ту самую бульонную кружку. На полу у моих ног сиротливо стоял привезённый пылесос, а на вешалке у двери сияла норковая шуба — весь мой нехитрый капитал, с которым я решилась начать жизнь с нуля.

В ту первую ночь в незнакомом городе тишина в квартире казалась оглушительной. Не нужно было ни перед кем отчитываться. Не нужно было прятать букеты или подбирать слова. Я была одна. Было ли мне страшно? Безумно. Но когда я смотрела на эти две кружки и шезлонги, во мне снова просыпался тот самый рыжий азарт. Танюшка когда-то выпорхнула из подъезда навстречу свободе после третьего брака, а я выпорхнула из своего единственного — тридцать четыре года спустя. И моё полевое исследование жизни только начиналось.

Правда, тогда, сидя на шезлонге в пустой квартире, я ещё наивно думала, что уезжаю на время. Просто пересидеть, выдохнуть, поставить брак на паузу. Настоящая причина моего переезда была далека от романтики — на меня навалилось всё и сразу.

В этот город меня пригласили по работе, предложив отличное повышение. Но главным триггером стали родители. Они жили совсем рядом. Мама боролась со злокачественной опухолью, ей только что удалили почку. Отец медленно угасал в деменции, ослепший от диабета. Им обоим отчаянно нужна была моя помощь. Переезд казался идеальным выходом: я смогу быть полезной маме с папой, займусь карьерой и наконец-то побуду вдаль от Алекса, который за эти годы так и не понял, какая женщина находится рядом с ним.

Я взяла этот тяжеленный груз на свои плечи. Но парадокс был в том, что посреди этой боли, чужих болезней и карьерного вызова, я впервые за многие годы почувствовала себя... живой. Сильной. Способной горы свернуть. Да, днем я собиралась быть строгим руководителем на новой должности и заботливой дочерью — у постели больных родителей. Но по вечерам, в этой пустой комнате, я принадлежала только себе.

Глядя на две бульонные кружки, я поймала себя на мысли: откуда во мне, пятидесятилетней домашней женщине, взялась эта безумная смелость? Собрать вещи, взять на себя ответственность за больных маму с папой, возглавить новое дело... Ответ лежал там же, в моем далеком «полевом исследовании». Если бы не Мишка тогда, в девяностых, я бы, наверное, так и осталась робкой Алей, верящей, что она «никому не нужна». Но тот северный викинг за два месяца перевернул мою вселенную.

На следующий день после нашей прогулки по сосновому бору я шла на работу в книжный отдел с колотящимся сердцем. Я ведь помнила, что встречу мы не назначили. Букет лилий был надежно спрятан у счастливой Татьяны, руки все еще помнили тепло его пальцев, а в голове крутился один вопрос: придет ли он снова? Или та прогулка так и останется мимолетным весенним сном?

Ответ я получила ровно в полдень. Дверь магазина открылась, и...

Мишка снова пришел тогда, когда я уже окончательно устала его ждать. В отделе опять толпился народ, я металась между покупателями и даже не заметила, в какой момент он появился. Когда толпа наконец рассосалась, я подняла глаза и обомлела. Он стоял у прилавка, держа в руках чашку горячего кофе и маленькую шоколадку. Просто принес мне перекусить.

Мишка тепло улыбался, а я так сильно смутилась, что у меня в голове не осталось ни одной связной мысли — я просто не знала, что ему сказать.

Видя мою растерянность, он мягко произнес:

— Увидимся позже.

Развернулся и ушел.

Едва за ним закрылась дверь, меня тут же облепили девчонки-коллеги. Молодые, незамужние, они теребили меня за рукава и наперебой засыпали вопросами:

— Аля, кто это?! Откуда он взялся? Зачем тебе, замужней женщине, этот парень? Да он же слишком красив для тебя!

В их голосах сквозила чистая зависть. Девчонки откровенно заглядывались на него и начали канючить:

— Аля, ну раз тебе замуж не надо, можно мы с ним пофлиртуем? Он же просто невероятный!

Внутри меня в этот момент поднялась волна тихой, законной гордости. Я посмотрела на них и спокойно ответила:

— Попробуйте. Если у вас получится.

Конечно, у них ничего не получилось. Потому что вечером, едва я закрыла магазин, Мишка снова ждал меня на нашем месте — и снова с букетом цветов. В этот раз мы не пошли в сосновый бор. Мы перешли дорогу и направились к учебным корпусам, которые стояли на самом берегу Енисея. На улице было по-весеннему тепло. Мы спустились к воде, Мишка снял свою зеленую ветровку, бережно расстелил её на земле, и мы сели рядом.

Он мягко приобнял меня за плечи, притянул к себе и тихонько вдыхал запах моих ярко-рыжих волос, едва ощутимо, невесомо прикасаясь губами к моему виску. Внутри меня всё пело. Вся вселенная с её правилами, запретами и унылым браком перестала существовать. На этом берегу были только мы. Но за буднями неизбежно следовали выходные, и мне отчаянно нужна была легальная причина, чтобы уходить из дома чаще и не вызывать подозрений у Алекса. Помощь пришла откуда не ждали. Моя соседка и подруга уехала по делам, оставив на меня своего пса — поджарого, импульсивного добермана. Собаке требовались долгие прогулки, и это стало моим идеальным алиби.

На следующий же день я застегнула поводок и уверенным шагом направилась в сторону Енисея, мимо знакомых учебных корпусов. Не знаю, каким чудом это произошло — караулил ли он меня у окна, почувствовал ли моё приближение или это была чистая магия вселенной, — но Мишка снова вырос передо мной как из-под земли. Он широко улыбнулся и без лишних слов присоединился к нашей компании.

Мы спустились к воде. Чтобы пёс набегался, я отстегнула карабин и отпустила добермана с поводка. Естественно, пока мы с Мишкой переглядывались, флиртowali и самозабвенно смеялись, собака напрочь вылетела у меня из головы. А доберману только того и надо было — он моментально растворился в пространстве. На берегу высились бетонные скелеты недостроенных корпусов. Пёс рванул прямо туда.

Паника мгновенно выветрилась из головы весь романтический хмель. Мы с Мишкой бросились на поиски, разбежавшись в разные стороны по гулким лабиринтам недостроя. Я звала собаку, заглядывала в пустые дверные проемы, пока в самом центре этого заброшенного бетонного коробка мы не столкнулись лицом к лицу.

И тут время остановилось.

Мишка не дал мне сказать ни слова. Он шагнул вперед и поймал меня в объятия — крепкие, надежные, лишаящие воли. Его губы накрыли мои. Это был совсем другой поцелуй — не тот робкий у виска, а жадный, голодный, от которого у меня подкосились колени.

Он мягко, но властно прижал меня спиной к серой бетонной стене. Моё дыхание перехватило. Прохлада бетона контрастировала с обжигающим жаром его рук. Мишка опустил

всё ниже, покрывая поцелуями мою шею, ключицы, спускаясь к животу. Каждый его мазок губами стирал все долгие годы пренебрежения.

В пустом недостроенном здании, под шум далекого Енисея, он опустился передо мной на колени, и унылый брак за пределами этих стен перестал существовать. Была только эта дикая, первобытная ласка, от которой внутри меня, кажется, заново родился весь мир. Муж говорил, что я никому не нужна. Но прямо сейчас этот невероятный мужчина боготворил моё тело, заставляя меня кричать от удовольствия в пустоту недостроенных стен.

Когда всё закончилось и реальность медленно вернулась на свои места, доберман, словно почувствовав смену атмосферы, сам откуда-то прибежал и весело закрутился у наших ног. Мишка взял пса на поводок, и мы пошли обратно. Он провожал меня так близко к моему дому, как это вообще было возможно. Момент расставания вышел пронзительным до боли. Мы не могли оторваться друг от друга. Мишка держал меня за руку, я сделала первый шаг в сторону своего двора, и его пальцы тянулись за моими до тех самых пор, пока они окончательно не разомкнулись.

Я пришла домой как в тумане. Молча вернула собаку удивленной Татьяне, молча зашла в свою квартиру и сразу встала под струи горячего душа, смывая серую бетонную пыль и запах его тела. У меня физически не было сил разговаривать, поэтому я просто легла в постель и мгновенно уснула, укутавшись в свои тайные воспоминания.

С того дня наша жизнь превратилась в прекрасное, безумное приключение. Мы встречались урывками, ловя каждую свободную секунду. С собакой, без собаки, на моих обеденных перерывах — было неважно. Я пулей вылетала из своего книжного отдела, мы бежали в сосновый бор, прятались от всего мира и занимались там любовью, буквально сходя с ума от страсти.

Время закрутилось в бешеном темпе. Я жила на пределе возможностей: прибегала домой, лихорадочно мыла посуду, на ходу готовила обеды, стирала, переодевалась и снова на полной скорости мчалась к своему викингу.

Мне было абсолютно некогда есть.

Примерно через три недели случился шок. Я собиралась на очередную встречу, натянула свои привычные повседневные брюки, застегнула пуговицу и... они просто рухнули с моих бедер на пол. Я стояла посреди комнаты и не верила своим глазам. Я застегивала их снова и снова, но они сваливались. За этой любовной лихорадкой я даже не заметила, в какой момент резко и кардинально похудела. Весь мой лишний вес, из-за которого Алекс так брезгливо кривил губы, просто испарился сам собой, сгорел в пламени этой внезапной, крышесносной весны.

Глава 5.

Украденное счастье.

Прошло почти полтора месяца. Наша с Мишкой безумная весна плавно перетекла в жаркое лето. Наступил конец июля. Два месяца его учебы таяли на глазах, но мы старались об этом не думать. В мои выходные мы уходили далеко на берег Енисея — загорать, слушать шум воды и ловить последние капли этого украденного у судьбы счастья.

Счастье было великим, безграничным, но призрачным. Мишка ничего не предлагал. Мы по-прежнему встречались, смеялись, отдыхали, но над нами уже невидимым шлейфом висело скорое прощание.

За два дня до его отъезда мы лежали на горячем песке. Мишка был невероятно, вызывающе красив — загорелый, мощный, в плавках ярко-изумрудного цвета, которые делали его светло-зеленые глаза совершенно колдовскими. Я смотрела на него, и сердце сжималось в тихие тиски. «Ну вот и всё, — думала я. — Сейчас этот викинг уедет в свой Енисейск и больше никогда про меня не вспомнит. Зачем я ему нужна — замужняя, с ребенком, со своей сложной жизнью?» До самого последнего мгновения я так и не смогла до конца поверить, что этот великолепный мужчина выбрал меня.

В тот вечер он провожал меня в последний раз. Дойдя до нашей невидимой черты, я не выдержала. Горло сдавили рыдания, слезы хлынули сплошным потоком. Я отчаянно, изо всех сил обняла его, поцеловала в губы, пахнущие речным ветром, выдохнула: «Прощай!» — и, не оборачиваясь, бросилась бежать домой.

С этого дня начался ад.

Следующие полтора месяца я не жила — я существовала в глухом, сером тумане. Ноги сами несли меня из пустующего книжного магазина на берег Енисея. Я бродила по пустым пляжам часами, наматывая километры, тосковала, смотрела на холодную воду и понимала, что просто не умею дышать без него. Именно тогда, от этой невыносимой душевной боли, я впервые в жизни начала курить.

Алекс всё видел. Он смотрел на меня несчастными, больными собачьими глазами. Он понимал абсолютно всё — мою тоску, мои беззвучные слезы, этот запах табака.

Но он ни разу не упрекнул меня, ни слова не сказал про Мишку. Напротив, он молча переносил мою скорбь и пытался ухаживать: готовил, тихонько подавал чай, был подчеркнуто бережным.

Этот его безмолвный окопный траур и время сделали свое дело. Острая боль постепенно начала притупляться, рана затягивалась, и я потихоньку, шаг за шагом, стала успокаиваться, возвращаясь к привычной семейной рутине.

Жизнь понемногу входила в привычные берега. Я по-прежнему каждый день ходила на работу в свой книжный отдел, механически перебирала обложки, разговаривала с покупателями. Пока в один из серых осенних дней ко мне не подошла наша пожилая сотрудница. Она притиснулась поближе и тихонько спросила:

— Аля, а девочки передали тебе записку? К тебе тут приходил какой-то парень... очень яркий молодой человек.

Мир вокруг меня пошатнулся.

— Нет... — выдохнула я, чувствуя, как внутри всё заледенело. — Как давно это было?

— Ну, наверное, уже неделю назад. Или полторы, — простодушно ответила она.

Сердце с размаху рухнуло куда-то в пятки. Я перестала чувствовать собственные ноги. Не помня себя, я подошла к молодым коллегам. Голос сорвался на хрип:

— Здесь был Мишка? Он мне что-то оставлял?

Девчонки тут же потупили глаза и демонстративно замолчали. Наступила удушливая тишина. Наконец, одна из них — та самая, что всегда ходила в вызывающем ярко-красном пиджаке и с масляными малиновыми губами, — дерзко вскинула голову и посмотрела мне прямо в лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.